

Е. П. Дулесов
Ижевск, Россия

**ИНТЕРАКТИВНЫЙ АСПЕКТ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ МЕТАФОРЫ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ
(НА ПРИМЕРЕ МЕТАФОРЫ «МИРОВОЙ СУД — ЭТО СТАТУЯ»
В РЕЧАХ ДОРЕВОЛЮЦИОННЫХ ПАРЛАМЕНТАРИЕВ)**

АННОТАЦИЯ. Важным для парламентского оратора является умение опровергать позицию политического противника, критикуя его выступление не только за аргументы, но и за языковые особенности. Часто мишенью такой критики становится развернутая креативная метафора. Вербализованная реакция на метафору, представленная в речи оппонента, выступает как инструмент нейтрализации ее прагматического потенциала, опровержения аргумента пропонента и дискредитации его личности. В статье проанализирован интерактивный аспект использования метафоры «МИРОВОЙ СУД — ЭТО СТАТУЯ», первоначально введенной депутатом Н. П. Шубинским для продвижения проекта судебной реформы. Рассмотрены два основных приема дискредитации метафоры: указание на ее неуместность и расширение метафоры. В последнем случае оратор подхватывает исходную метафору, развивает ее и использует для защиты своей точки зрения. При этом коммуникативной целью говорящего может быть умаление авторитета Н. П. Шубинского, выделение конкретных недостатков законопроекта, предложение своего варианта решения проблемы. В ходе расширения метафоры задействуются различные слоты и концепты фрейма «Скульптура»: уточняется, что это за статуя, кто является скульптором, какой материал используется, называются ее конкретные детали, подчеркиваются ее свойства (хрупкость, неустойчивость, неэстетичность) и т. д. Кроме того, в процесс метафоризации вовлекаются прецедентные феномены: названия известных скульптур, имена скульпторов, литературные произведения.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политические метафоры; парламентские речи; прецедентные феномены; политические коммуникации; креативные метафоры; политическая метафорология; парламентаризм.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Дулесов Евгений Павлович, аспирант кафедры русского языка, теоретической и прикладной лингвистики, Удмуртский государственный университет; 426034, Россия, г. Ижевск, ул. Университетская, 1 (корп. 2); e-mail: evdules@gmail.com.

Введение

Современные исследования показали, что роль метафоры в политическом дискурсе сложно переоценить, поскольку она выполняет в нем целый спектр различных функций: с ее помощью политики пытаются осмыслить постоянно меняющуюся политическую действительность, оценивают те или иные реалии, убеждают аудиторию в правильности своих взглядов и побуждают к определенным действиям [Кобозева 2001; Чудинов 2013: 18—25]. Основная заслуга в осознании значения политической метафоры принадлежит когнитивной лингвистике. Именно в русле этого направления было показано, что метафора — это не просто стилистический прием, украшение речи, а базовый когнитивный процесс, «понимание и переживание сущности одного вида в терминах сущности другого вида» [Лакофф, Джонсон 2004: 27]. Иными словами, при метафоризации одна понятийная область (**сфера-мишень**) понимается с помощью другой понятийной области (**сферы-источника**), при этом «когнитивная топология» (образно-схематическая структура) сферы-источника частично переносится на сферу-мишень.

В ходе этого процесса неизбежно происходят «высвечивание» и «затемнение»: метафора одновременно фокусирует внимание на одних свойствах сферы-мишени и препятствует тому, чтобы мы заметили другие свойства, несовместимые с этой метафорой [Лакофф, Джонсон 2004: 31]. Это дало повод М. Блэку сравнить метафору с фильтром

[Блэк 1990]: она «пропускает» необходимые для адресанта аспекты понятия и скрывает, «задерживает» другие, по той или иной причине невыгодные для него. Именно поэтому политики так часто обращаются к метафоре: им нужно, чтобы адресат смотрел на реальность сквозь определенные «идеологические очки». Можно сказать, что политическая метафора выступает инструментом языкового манипулирования, языкового насилия, которое, по определению А. П. Сковородникова, является неаргументированным или недостаточно аргументированным вербальным воздействием на адресата, имеющим целью изменение его личностных установок [Сковородников 2012: 158—159].

Однако нужно иметь в виду, что рефлексирующий адресат, а в особенности опытный политический противник, способен оказать сопротивление языковому насилию. Более того, оппонент может подхватить метафору пропонента, «смещая при этом смысловые оттенки» [Хаззагерев 2002: 122]. Как отмечает Дж. Чартерис-Блэк, политик или публицист, опираясь на тот же тип метафоры, что и у политического противника, может придать этой метафоре совершенно другую значимость [Charteris-Black 2011: 28]. В этом случае исследователя политической метафоры будет интересовать «**интерактивный**» [Chilton, Ilyin 1993], или «диалогический» [Баранов 2014: 70], аспект использования метафоры. Важность этого ракурса объясняется тем, что, как подчеркивает А. Н. Баранов, «прагматический аспект спора, дискуссии существенно меняет обычные

правила взаимодействия метафорических проекций» [Баранов 2014: 70].

П. Чилтон и М. В. Ильин в статье «Метафора в политическом дискурсе: случай общеевропейского дома» [Chilton, Ilyin 1993] обращают внимание на то, что участники дискурса (при условии, что они обладают доступом к политической коммуникации) могут оспорить выбор метафорического фокуса. Чтобы перехватить инициативу, политики стремятся подчинить себе метафору соперника с помощью ее интерпретации и модификации. Исследуя интерактивный аспект использования метафоры М. С. Горбачева «ЕВРОПА — НАШ ОБЩИЙ ДОМ», П. Чилтон и М. В. Ильин выделяют несколько стратегий «спецификации» метафоры (metaphor specification). Оппонент может:

1) отвергнуть предложенную метафору, указав, что данная сфера-источник не может использоваться для концептуализации данной сферы-мишени, а затем предложить новую метафору из другой сферы-источника («ЕВРОПА — ЭТО НЕ ДОМ, А НЛО») или неметафорический аргумент;

2) использовать предложенную метафору для концептуализации иной сферы-мишени («ЕС — ЭТО ДОМ»);

3) остаться в рамках предложенной метафоры, но ввести иной фрейм, сценарий или следствия; в последнем случае существует несколько техник:

а) детализация (particularization) — сосредоточиться на определенной детали («СИСТЕМА ВОЕННОЙ ОБОРОНЫ — ЭТО КРЫША ДОМА»);

б) соподчинение (superordination) — обобщить метафору, подняться на более высокий уровень («ЕВРОПА — ЭТО НЕ ДОМ, А ГОРОД»);

в) координация (coordination) — использовать смежный концепт, заменить образ, оставаясь в рамках заданной сферы-источника («ЕВРОПА — ЭТО НЕ ДОМ, А ГОСТИНИЦА»).

Третью стратегию иначе называют **расширением** метафоры. По определению С. В. Агеева, этот прием подразумевает «использование метафоры оппонента для защиты своей точки зрения через активизацию иных инференций» [Агеев 2002: 4]. Американский психолог Дж. С. Мио выдвинул, а затем экспериментально подтвердил гипотезу, согласно которой расширение метафоры (metaphor extension) оппонента является более эффективным средством воздействия, чем введение новой метафоры или буквальное утверждение [Mio 1997: 129—130].

Материалом данной статьи послужили речи депутатов дореволюционного пар-

ламента. Такой выбор объясняется тем, что для любого парламентского дискурса характерна полемичность, а борьба партий в Государственной думе Российской империи была особенно ожесточенной. Предмет исследования — развернутая креативная метафора «МИРОВОЙ СУД — ЭТО СТАТУЯ», которая была использована октябристом Н. П. Шубинским при обсуждении реформы местной юстиции, а также реакции на эту метафору, представленные в речах депутатов Государственной думы.

Точка отсчета — метафора Н. П. Шубинского

Как отмечает в своей докторской диссертации «Суд в России: вторая половина XIX — начало XX вв.» М. В. Немытина, реформа местной юстиции стала одним из основных направлений деятельности Государственной думы Российской империи III созыва [Немытина 1999: 351]. Главной целью этой реформы стало обеспечение правовых нужд крестьянства и уравнение его в правах с другими сословиями. 30 октября 1909 г. председатель думской комиссии по судебным реформам Н. П. Шубинский представил проект, который в основных чертах совпадал с проектом, внесенным Министерством юстиции. Законопроект предполагал, с одной стороны, упразднение волостного суда (выборного крестьянского органа для разбора мелких дел [Юридический словарь]) и института земских начальников, обладавших административно-судебными полномочиями, с другой стороны, введение, а точнее восстановление мирового суда. Впервые в России мировой суд был создан в 1864 г. в ходе судебной реформы Александра II и упразднен в 1889 г. По поводу реформы местной юстиции в Думе развернулась жаркая дискуссия: различные политические силы, как правые, так и левые, не были удовлетворены предложенным проектом и представляли свое видение низшего звена судебной системы [Подробнее о реформе местной юстиции см. Немытина 1999: 331—364].

Открывая обсуждение предлагавшегося законопроекта, Н. П. Шубинский образно представляет роль, которую должна взять на себя Государственная дума при реформировании судебной системы. Для этого он использует развернутую креативную метафору «Мировой суд — это статуя»:

(1) Данная работа вовсе не претендует быть какой-нибудь творческой, оригинальной работой, это скорее реставрационный труд, и если позволительно делать сравнения, то можно представить себе вот какую картину вашего будущего дела.

В галерее 60-х гг. государственных учреждений существовало два новых, только что возникших учреждения, которые можно уподобить прекрасным мраморным статуям. Одно из них представляло собой общее судебное учреждение, другое — мировой институт. <...> ...Работа наша... направляется к восстановлению того института, который я уподобил прекрасной статуе. Удар молота отколол лучшие ее части; остались отдельные мелкие частицы в некоторых местах. Мы знаем, что мировой суд был сохранен в Москве, Одессе, Саратове, Казани и, кажется, в Кишиневе. ...Удары молота откололи в русской жизни от этой статуи целый ряд очень больших кусков. Их нужно было заменить. И вот, на этой статуе получилось нечто странное — отколотые куски мрамора заменили кусками самобытной глины, да еще в таком виде, что когда она стала существовать, бесформенность ее поражала всех; а вскоре эти приделки покрылись трещинами. Ваша нынешняя работа будет заключаться в том, чтобы очистить статую от этих налетов из глины, восстановить куски мрамора, свойственные ей, и воссоздать тот институт, ту прекрасную мраморную статую, которой когда-то обладала русская государственная жизнь.

Оратору важно подчеркнуть, что законопроект не вносит ничего кардинально нового, напротив, он восстанавливает то, что было создано в рамках судебной реформы 1860-х гг., поэтому Н. П. Шубинский указывает, что это *реставрационный труд*. Прилагательное *реставрационный* мотивировано существительным *реставрация*, которое, в свою очередь, имеет переносное значение 'восстановление прежнего, утраченного' (все словарные дефиниции приведены по изданию: [Большой толковый словарь русского языка]). Депутат-октябрист решает оживить стертую метафору, актуализируя буквальное значение слова *реставрация* 'восстановление в первоначальном виде чего-л. обветшавшего или разрушенного (обычно произведений искусства, памятников старины)'. Оживление метафоры позволяет политике достичь сразу нескольких прагматических целей. Прежде всего он показывает ответственность законопроекта по отношению к судебной реформе 1864 г. Неудивительно, что Н. П. Шубинский, известный адвокат, судебный оратор, работавший в начале карьеры помощником у самого Ф. Н. Плевако, с пиететом относился к реформе Александра II, выведшей судебную систему Рос-

сийской империи на новый уровень. Для него она представляла собой безусловную ценность, сравнимую с произведением искусства, а восстановление мирового суда, по этой логике, сопоставимо с трудом реставратора. Следовательно, метафора выполняет также функцию мелиоративной оценки. Кроме того, Н. П. Шубинский стремится объединить представителей разных политических сил, указывая, что им предстоит общими усилиями совершить благородное дело. Неслучайно он использует местоимения 1-го лица как специализированные вербальные знаки интеграции (*работа наша направляется, мы знаем*), а также местоимения 2-го лица, с помощью которых он намечает для своих коллег общий план действий (*вашего будущего дела, ваша нынешняя работа*).

Оживление метафоры осуществляется с помощью эксплицитного указания в тексте следствий из метафоры. А. Н. Баранов определяет метафорические следствия из высказывания с метафорой М как «высказывания, содержащие метафоры той же метафорической модели, что и М, но вводящие ее другие, ранее не упоминавшиеся потенциальные компоненты (таксоны), которые не противоречат М» [Баранов 2014: 98]. Н. П. Шубинский использует новые метафоры из сферы-мишени «Искусство», заданной исходной языковой метафорой *реставрационный*. Прежде всего, конкретизируя сферу-источник, он выбирает фрейм «Скульптура», т. е. сопоставляет суд не с любым произведением искусства, а именно с мраморной статуей. Учреждения, созданные в ходе реформ Александра II, сравниваются с галереей, упразднение мирового суда — с ударами молота, крестьянский волостной суд — с кусками глины. Таким образом, депутат-октябрист представляет историю судебной системы России в виде метафорического сценария: создание статуи (судебная реформа 60-х гг.) — искажение первоначального замысла, повреждение статуи и замена мрамора глиной (упразднение мирового суда и замена его волостным судом) — необходимость реставрации (восстановление мирового суда). Данный сценарий внушает аудитории мысль о том, что Государственная дума должна выполнить благородную роль реставратора прекрасной статуи, иными словами, согласиться с предлагаемым законопроектом.

Указание на неуместность метафоры Н. П. Шубинского

Креативная метафора Н. П. Шубинского «МИРОВОЙ СУД — ЭТО СТАТУЯ» не могла остаться незамеченной. Сразу несколько

думских ораторов, принадлежащих к разным фракциям, в своих выступлениях обратили на нее внимание, причем одни подчеркивали ее неуместность, другие подхватывали ее и разворачивали в выгодном для себя направлении.

Несколько ораторов не согласились, что мировой суд 60-х гг. можно уподобить прекрасной статуе, т. е. они указали на то, что данная метафорическая форма не подходит для концептуализации данной сферы-мишени. Правый депутат П. В. Новицкий высказал следующую мысль:

(2) *Я поднимал то украшение, о котором говорил член-докладчик, я поднимал прекрасные части той статуи, которая была создана 60-ми годами. Эти части были не так прекрасны: это были запущенные дела, это были судебные издержки по произволу, это были неправосудные дела...*

Сначала оратор делает акцент на своей компетентности в обсуждаемом вопросе (я поднимал то украшение) и повторяет метафору Н. П. Шубинского в несколько измененном виде (украшение, прекрасные части статуи), затем через прямое отрицание (не были так прекрасны) он указывает на неуместность метафоры и приводит реальные факты, противоречащие ее смыслу. Чтобы нейтрализовать действие исходной метафоры, оппонент отвергает навязываемую связь между сферой-источником и сферой-мишенью, открыто указывает на неправомерную аналогию и тем самым выставляет своего противника в неприглядном свете.

Поддержка позиции Н. П. Шубинского с помощью расширения метафоры

Сразу несколько ораторов подхватили метафору Н. П. Шубинского и развернули ее для защиты своей точки зрения, т. е. использовали прием расширения метафоры. Яркий образ статуи стал доминантной и продуктивной метафорой в ходе обсуждения реформы местного суда. По определению А. П. Чудинова, продуктивность — это «возможность появления все новых и новых вторичных значений, соответствующих модели» [Чудинов 2001: 178]. При развертывании исходной метафоры задействуются разные слоты и концепты фрейма «Скульптура»: уточняется, что это за статуя (Фемида, Галатея, Венера Милосская), кто является скульптором (Паоло Трубецкой), какой материал используется (каррарский мрамор), в каком стиле она выполнена (декоративно-бюрократическом), указываются конкретные детали (нос, голова), подчеркивается хрупкость статуи (может разбиться вдребезги), ее неустойчивость (колосс на глиняных ногах) и т. д.

Особенности развертывания исходной метафоры связаны с коммуникативной целью говорящего — поддержать или опровергнуть позицию Н. П. Шубинского. Так, депутат-прогрессист М. И. Гродзицкий расширяет исходную метафору для защиты законопроекта:

(3) *...Совершенно правильно господин министр юстиции, а также и наш многоуважаемый докладчик утверждали, что нечего нам искать новых образцов, надо вернуться к старым, реставрировать нашу прекрасную статую Фемиды и, взамен отбитых грубой рукой частей ее, восстановить ее из первоисточника.*

Здесь М. И. Гродзицкий конкретизирует, какую именно статую представляет собой суд — статую Фемиды. Депутат прибегает к традиционной символической: как известно, греческая богиня Фемида, изображавшаяся с повязкой на глазах (символ беспристрастия) и весами в руках, олицетворяет правосудие. В русском языке антропоним Фемида приобрел переносное значение 'правосудие, суд, судебная система' (ср. устойчивые сочетания храм/алтарь Фемиды 'суд', служители Фемиды 'судьи, служащие суда').

Дискредитация позиции Н. П. Шубинского с помощью расширения метафоры

Однако абсолютное большинство ораторов, развивавших метафору Н. П. Шубинского, стремились дискредитировать его позицию. Прежде всего многие с иронией отнеслись к излишне восторженному отношению октябриста к мировому суду. В рамках речевой тактики издевки, насмешки оппоненты доводят до абсурда исходный образ, утрируют его. Это достигается за счет детализации метафоры Н. П. Шубинского. Как отмечает Т. А. Воронцова, риторический прием «доведение до абсурда» в публичном диалоге чаще всего реализуется как гипербола [Воронцова 2013: 117].

Так, по поводу высокого образа Н. П. Шубинского иронизирует левый депутат Т. О. Белоусов. Доводя до абсурда исходную метафору, он использует прецедентный феномен:

(4) *Его [Шубинского] душу, подобно тому, как душу одного персонажа Глеба Успенского выпрямила статуя Венеры Милосской, выпрямило созерцание явившейся в его воображении статуи законности, правды и порядка, когда-то существовавших в русских судах. <...> ...Нам и думается, что более осторожное, более холодное отношение к данному законопроекту будет более уместно, чем восторженное.*

Оратор от РСДРП ссылается на очерк писателя-демократа Г. И. Успенского «Вы-

прямилу», в котором статуя Венеры Милосской в Лувре «выпрямилу» душу учителя Тяпушкина, заставилу «ощутить радость сознания себя человеком» и «идти в темную массу народа», чтобы как-то облегчить его участь. Любопытно, что политик обращается к творчеству идейно близкого писателя. Сопоставление метафоры Н. П. Шубинского с центральным образом очерка Г. И. Успенского служит средством создания не просто иронии, а едкого сарказма. В литературном произведении созерцание статуи наполнило жизнь героя глубоким смыслом, направило его на истинный путь. Проникнутый социальным пафосом образ, к которому Т. О. Белоусов как социалист должен испытывать глубокое уважение, резко контрастирует с метафорой Н. П. Шубинского, слишком восторженно относящегося, по мнению выступающего, к судебной реформе Александра II. Левый депутат считает, что при обсуждении реформы местного суда необходим более взвешенный и рациональный подход.

К тактике насмешки прибегают также представители противоположного политического лагеря — правые. Особое место дискредитации метафоры Н. П. Шубинского уделяет в своем выступлении В. М. Пуришкевич. Сначала в целях гиперболизации исходного образа он конкретизирует, из какого материала сделана статуя:

(5) ...*Докладчик Шубинский очень картинно указал на то, как статуя великих преобразований царствования Александра II потерпела ущерб в дальнейшем, как от этой статуи был отбит кусок каррарского мрамора и как потом она была залеплена глиной...*

Каррарский мрамор — это мрамор высокого качества, добываемый в окрестностях города Каррары в Италии. Обращает на себя внимание использование В. М. Пуришкевичем наречия *картинно* явно в ироническом ключе (*картинный* — ‘производящий впечатление своей внешней красотой, красотой; живописный’).

Далее В. М. Пуришкевич применяет коммуникативный ход «Он не похож на N, хотя и претендует» [Иссерс 2008: 173], стремясь развенчать притязания Н. П. Шубинского на роль скульптора. Для этого правый депутат иронично называет октябриста книжным и устаревшим словом *вятель* и противопоставляет известных талантливых скульпторов и бездарного, по его мнению, Паоло Трубецкого — с последним и сравнивается Н. П. Шубинский:

(6) *И когда я всматриваюсь в того, кто является ваятелем в этом деле, кто желает реставрировать эту статую, то*

мне кажется, что мы не можем видеть в лице комиссии и тех, которые займутся реставрацией, ни Фидия, ни Праксителя, величайших творцов античного мира, ни Антокольского, скажу я, переходя к современности, а Паоло Трубецкого, того, который на Знаменской площади искажил памятник Императору Александру III и придал ему ту идею, которой он не имел; и подобно тому, как физически был искажен этот памятник и было извращено значение незабвенного Царя-Миротворца, так духовно в этом законоположении о местном суде извращен смысл законодательства Царя Александра II...

В данном случае в процесс метафоризации вовлекается прецедентный феномен, получивший широкую огласку как раз в то время. В 1909 г. в Санкт-Петербурге был открыт памятник Александру III итальянского скульптора Павла (Паоло) Трубецкого. Многие считали, что грузная фигура царя на тяжеловесном коне является насмешкой над самодержавием. Появилась даже такая загадка-шутка: «Стоит комод, / На комоду бегемот, / На бегемоте обормот, / На обормоте шапка, / На шапке крест, / Кто угадает, / Того под арест». Очевидно, что В. М. Пуришкевич также критически относился к этому памятнику (*извращено значение незабвенного Царя-Миротворца*), поэтому он сравнивает неумелого «скульптора» Н. П. Шубинского именно с П. Трубецким.

Антитеза «талантливый — бездарный художник» продолжает развиваться В. М. Пуришкевичем и дальше. Теперь он выходит за пределы фреймы «Скульптура» и задействует фреймы «Музыка» и «Живопись» (прием координации, в терминах П. Чилтона и М. В. Ильина). Для этого оратор ссылается на «маленькую трагедию» А. С. Пушкина «Моцарт и Сальери»:

(7) *Народ русский во всех своих классах отзовется именно об этой работе так, как отозвался Сальери о слепом музыканте, который исполнял творение Моцарта. Когда Моцарт смеялся над тем, как слепой скрипач исполнял его творение, Сальери обращается к нему и говорит: „Нет, мне не смешно, когда маляр негодный / Мне пачкает Мадонну Рафаэля, / Мне не смешно, / Когда фигляр презренный / Пародией бесчестит Алигьери“.*

Все эти метафорические антитезы, или контрастные метафоры (*contrasting metaphors*) [Charteris-Black 2011: 106], из области искусства предназначены для развенчания притязаний Н. П. Шубинского на роль компетентного законодателя.

Помимо дискредитации личности Н. П. Шубинского и его восторженного отношения к судебной реформе 1860-х гг., расширение исходной метафоры может служить и другим целям. Так, многие ораторы, не отрицая ценности реформы Александра II, подчеркивают, что законопроект, предлагаемый министерством и думской комиссией, имеет серьезные недостатки, другими словами, реставрация статуи выполняется неправильно.

Представитель правых епископ Евлогий следующим образом высказывается об изъянах в законопроекте:

(8) ...*Эта прекрасная статуя, о которой нам говорил господин докладчик, будет, к сожалению, стоять на глиняных ногах.*

Оратор использует в модифицированном виде ветхозаветную метафору *колосс на глиняных ногах*. В Библии сказано, что вавилонский царь Навуходоносор увидел во сне огромного металлического истукана на глиняных ногах, рухнувшего, когда оторвавшийся от горы камень ударил его по ногам. Епископ Евлогий заменяет во фразеологизме компонент *колосс* 'статуя, колонна, обелиск громадных размеров' аналогом — исходной метафорой Н. П. Шубинского *прекрасная статуя*. Тем самым он указывает на то, что реформа недоработана, оторвана от жизни. Но, кроме критики, епископ Евлогий предлагает и вариант решения проблемы. В то время как проект реформы предполагал, что мировыми судьями могут стать люди образованные и обеспеченные, оратор настаивает на том, что в судах низшего звена крестьянство и интеллигенция должны работать вместе, коллегиально. Расширяя исходную метафору Н. П. Шубинского, правый оратор защищает свою позицию:

(9) *Народ принесет в это великое дело свой народный разум, свою народную совесть; он, выражаясь образно, даст для этого дела и для этой статуи свой прочный и крепкий материал, он даст черновую работу, а труженики из интеллигенции осветят этот черный материал светом юридических знаний, вложат его в рамки юридических определений и норм, т. е. придадут этой статуе, так сказать, художественную отделку.*

Поскольку мировой суд — это статуя, значит можно говорить о материале, из которого она сделана. Только крестьяне, по убеждению епископа Евлогия, могут служить прочным и крепким материалом (имеется в виду их высокая нравственность, обостренное чувство справедливости, житейская мудрость и т. д.), а судьи из интеллигенции призваны лишь обработать этот материал, используя свое юридическое образование.

Думские ораторы обращали внимание и на другие недостатки проекта реставрации, предложенного Н. П. Шубинским. Для прогрессиста А. М. Масленникова таким дефектом стал порядок избрания в мировые судьи: по его мнению, сначала нужно изменить избирательный закон в земстве, а только потом проводить судебную реформу. Иначе статуя не выйдет прекрасной:

(10) ...*Я думаю, что почтенный член-докладчик, прикладывая к разбитому носу его изломанной статуи новый, по его мнению, сделанный из чудного мрамора, не прикладывает ли опять из той же уродливой глины прилепок.*

Правый депутат П. В. Новицкий выступает против того, чтобы над мировыми судьями стоял правительственный чиновник в качестве апелляционной инстанции:

(11) *Если вы реставрируете эту прекрасную статую, так вы, господа, не навинчивайте на эту статую казенной головы, не делайте эту голову с суровыми чертами лица, не стесняйте лучших людей работать на местах.*

Таким образом, отдельные положения реформы подвергаются критике и изображаются в рамках заданной метафоры как изъяны статуи (глиняные ноги, уродливый нос из глины, голова с суровыми чертами).

Заключение

Проанализировав дискуссию вокруг реформы местной юстиции в Государственной думе Российской империи, мы можем сделать вывод, что развернутая креативная метафора заключает в себе опасные свойства. Предлагаемая скептически настроенной аудитории яркий, запоминающийся образ, оратор может стать мишенью жесткой критики. Реакции на исходную метафору «МИРОВОЙ СУД — ЭТО СТАТУЯ» служат средством дискредитации личности Н. П. Шубинского и предложенного им законопроекта. Одни ораторы указывают на неуместность метафоры, противопоставляя созданный образ и реальные факты. Другие прибегают к более сложному приему расширения метафоры, когда оппонент подхватывает первоначальный образ и разворачивает его в выгодном для себя направлении. При этом задействуются различные слоты и концепты предложенной метафоры, она получает детальную разработку, в процесс метафоризации вовлекаются прецедентные феномены. Политику всегда нужно помнить о том, что креативная метафора может быть использована против своего создателя, не случайно Г. Г. Хазагеров называет ее «миной замедленного действия» [Хазагеров 2002: 122].

ЛИТЕРАТУРА

1. Агеев С. В. Метафора как фактор прагматики речевого общения : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — СПб., 2002. 18 с.
2. Баранов А. Н. Дескрипторная теория метафоры. — М. : Языки славянской культуры, 2014. 632 с.
3. Блэк М. Метафора // Теория метафоры / общ. ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журиной. — М. : Прогресс, 1990. С. 153—172.
4. Большой толковый словарь русского языка [Электронный ресурс] / гл. ред. С. А. Кузнецов. — СПб. : Норинт, 1998. URL: <http://www.gramota.ru/slovari/info/bts/> (дата обращения: 02.04.2018).
5. Большой юридический словарь [Электронный ресурс]. URL: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/lower/> (дата обращения: 02.04.2018).
6. Воронцова Т. А. Риторическая культура диалогического медиадискурса // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2013. № 21 (312). С. 115—119.
7. Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. 1909 г. Сессия третья. Часть I. Заседания 1—32 [Электронный ресурс]. — СПб., 1910. URL: <https://vivaldi.nlr.ru/bv000001639/view#page=> (дата обращения: 02.04.2018).
8. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. — М. : Изд-во ЛКИ, 2008. 288 с.
9. Кобозева И. М. Семантические проблемы анализа политической метафоры [Электронный ресурс] // Вестн. МГУ. Сер. 9, Филология. 2001. № 6. С. 132—149. URL: <http://www.philol.msu.ru/~otipl/new/main/people/kobozeva.php#publ> (дата обращения: 02.04.2018).

E. P. Dulesov
Izhevsk, Russia

INTERACTIVE ASPECT OF USING METAPHOR IN POLITICAL COMMUNICATION: THE CASE OF METAPHOR MAGISTRATES' COURT IS A STATUE IN THE SPEECHES OF THE IMPERIAL DUMA MEMBERS

ABSTRACT. *The important feature of a parliamentary orator is the ability to refute the political rival's view by criticizing not only their arguments but also the linguistic peculiarities of their speech. Extended creative metaphors often become the target of such criticism. In the opponent's speech verbalized reaction to the metaphor serves as an instrument of neutralizing its pragmatic potential, refuting the proponent's argument and undermining their reputation. The paper examines the interactive aspect of using the metaphor MAGISTRATES' COURT IS A STATUE initially introduced by the Deputy Nikolai Shubinsky to promote the judicial reform project. Two main techniques of metaphor discrediting are considered — challenging its applicability and metaphor extension. In the latter case, the speaker picks up the initial metaphor, extends it and uses it to defend their own standpoint. In so doing, the speaker can pursue different objectives such as weakening Shubinsky's authority, pointing out some specific flaws in the bill or proposing their own solution. The metaphor is extended by means of different slots and concepts of the frame SCULPTURE, i.e. the type of a statue, the sculptor and the material are specified, the details are named, the qualities such as fragility, unsteadiness and inartistic appearance are underscored, etc. Furthermore, precedent phenomena including the names of famous sculptures and sculptors and literary works are involved in the process of metaphorization.*

KEYWORDS: *political metaphors; parliamentary addresses; precedent phenomena; political communication; creative metaphor; political metaphorology; parliamentarism.*

ABOUT THE AUTHOR: *Dulesov Evgeniy Pavlovich, Post-graduate Student, Department of Russian Language, Theoretical and Applied Linguistics, Udmurt State University, Izhevsk, Russia.*

REFERENCES

1. Ageev S. V. Metafora kak faktor pragmatiki rechevogo obshcheniya : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. — SPb., 2002. 18 s.
2. Baranov A. N. Deskriftornaya teoriya metafory. — M. : Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2014. 632 s.
3. Blek M. Metafora // Teoriya metafory / obshch. red. N. D. Arutyunovoy i M. A. Zhurinskoy. — M. : Progress, 1990. S. 153—172.
4. Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka [Elektronnyy resurs] / gl. red. S. A. Kuznetsov. — SPb. : Norint, 1998. URL: <http://www.gramota.ru/slovari/info/bts/> (data obrashcheniya: 02.04.2018).
5. Bol'shoy yuridicheskiy slovar' [Elektronnyy resurs]. URL: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/lower/> (data obrashcheniya: 02.04.2018).
6. Vorontsova T. A. Ritoricheskaya kul'tura dialogicheskogo mediadiskursa // Vestn. Chelyab. gos. un-ta. 2013. № 21 (312). S. 115—119.
7. Gosudarstvennaya дума. Tretiy sozvyv. Stenograficheskie otchety. 1909 g. Sessiya tret'ya. Chast' I. Zasedaniya 1—32 [Elektronnyy resurs]. — SPb., 1910. URL: <https://vivaldi.nlr.ru/bv000001639/view#page=> (data obrashcheniya: 02.04.2018).
8. Issers O. S. Kommunikativnyye strategii i taktiki russkoy rechii. — M. : Izd-vo LKI, 2008. 288 s.
9. Kobozeva I. M. Semanticheskie problemy analiza politicheskoy metafory [Elektronnyy resurs] // Vestn. MGU. Ser. 9, Filologiya. 2001. № 6. S. 132—149. URL: <http://www.philol.msu.ru/~otipl/new/main/people/kobozeva.php#publ> (data obrashcheniya: 02.04.2018).

10. Lakoff Dzh., Dzhonson M. Metaforы, kotorymi my zhivem. — M. : Editorial URSS, 2004. 256 s.
11. Nemytina M. V. Sud v Rossii: vtoraya polovina XIX — nachalo XX vv. : dis. ... d-ra yurid. nauk. — M., 1999. 403 s.
12. Skovorodnikov A. P. Yazykovoe nasiliye v sovremennoy rossiyskoy presse // Rechevoe manipulirovaniye : ucheb. posobie / G. A. Kopnina. — M. : Flinta, 2012. S. 158—170.
13. Khazagerov G. G. Politicheskaya ritorika. — M. : Nikkolo-Media, 2002. 313 s.
14. Chudinov A. P. Metaforicheskaya mozaika v sovremennoy politicheskoy kommunikatsii. — Ekaterinburg, 2003. 248 s.
15. Chudinov A. P. Ocherki po sovremennoy politicheskoy metafologii. — Ekaterinburg, 2013. 176 s.
16. Charteris-Black J. Politicians and Rhetoric. The Persuasive Power of Metaphor. — Palgrave Macmillan, 2011. 370 p.
17. Chilton P., Ilyin M. Metaphor in Political Discourse: the Case of the 'Common European House' [Electronic resource] // Discourse and Society. 1993. Vol. 4, Iss. 1. P. 7—31. URL: <http://journals.sagepub.com/doi/abs/10.1177/0957926593004001002> (date of access: 02.04.2018).
18. Mio J. S. Metaphor and Politics // Metaphor and Symbol. 1997. Vol. 12. № 2. P. 113—133. URL: https://www.researchgate.net/publication/247503786_Metaphor_and_Politics (date of access: 02.04.2018).

- msu.ru/~otipl/new/main/people/kobozeva.php#publ (data obrashcheniya: 02.04.2018).
10. Lakoff Dzh., Dzhonson M. Metaforы, kotorymi my zhivem. — M. : Editorial URSS, 2004. 256 s.
11. Nemytina M. V. Sud v Rossii: vtoraya polovina XIX — nachalo XX vv. : dis. ... d-ra yurid. nauk. — M., 1999. 403 s.
12. Skovorodnikov A. P. Yazykovoe nasiliye v sovremennoy rossiyskoy presse // Rechevoe manipulirovaniye : ucheb. posobie / G. A. Kopnina. — M. : Flinta, 2012. S. 158—170.
13. Khazagerov G. G. Politicheskaya ritorika. — M. : Nikkolo-Media, 2002. 313 s.
14. Chudinov A. P. Metaforicheskaya mozaika v sovremennoy politicheskoy kommunikatsii. — Ekaterinburg, 2003. 248 s.
15. Chudinov A. P. Ocherki po sovremennoy politicheskoy metafologii. — Ekaterinburg, 2013. 176 s.
16. Charteris-Black J. Politicians and Rhetoric. The Persuasive Power of Metaphor. — Palgrave Macmillan, 2011. 370 p.
17. Chilton P., Ilyin M. Metaphor in Political Discourse: the Case of the 'Common European House' [Electronic resource] // Discourse and Society. 1993. Vol. 4, Iss. 1. P. 7—31. URL: <http://journals.sagepub.com/doi/abs/10.1177/0957926593004001002> (date of access: 02.04.2018).
18. Mio J. S. Metaphor and Politics // Metaphor and Symbol. 1997. Vol. 12. № 2. P. 113—133. URL: https://www.researchgate.net/publication/247503786_Metaphor_and_Politics (date of access: 02.04.2018).